

«СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ» И. С. ТУРГЕНЕВА КАК ИТОГ ТВОРЧЕСКОГО ОПЫТА ПИСАТЕЛЯ

Выявляется тематическое разнообразие «Стихотворений в прозе», сопоставляются их ключевые темы с «Записками охотника», доказываются итоговый характер творческого опыта писателя, запечатлённый в произведении с жанровым своеобразием.

Если началом состоявшегося творческого пути великого русского писателя И. С. Тургенева считают «Записки охотника», то «Стихотворения в прозе» исследователи определяют как завершение, своего рода подведение итогов, обобщение опыта его предшествующего творчества [1, 350]. Работа над ними осуществлялась на протяжении последних шести лет – с 1877 по 1882 годы, и в 1882 году о них стало известно М. М. Стасюлевичу, главному редактору журнала «Вестник Европы», который посетил Тургенева в Буживале [1, 348]. Их создание вполне закономерно, а появление в печати в том же 1882 году удачливо. Благодаря этой встрече читатели смогли познакомиться с подборкой, состоящей из 50 стихотворений. Рукописи остальных стихотворений, «слишком личного и интимного характера», долгое время оставались неизвестными. Лишь в 1930 году французский славист Мазон опубликовал ещё 31 стихотворение, хранившееся у наследников Полины Виардо [1, 349].

Появление на исходе творческих лет русского писателя произведения, жанр которого своеобразен, должно расцениваться всеми, кто знаком с его творчеством, как закономерность. Известно, что Тургенев является автором не только прозаических, но и поэтических произведений (поэмы «Параша», «Разговор», «Помещик»), получивших высокую оценку своих современников. А как удивительно лиричны созданные им очерки и рассказы, которые впоследствии составили цикл «Записки охотника». Обращает на себя внимание ещё один факт, подтверждающий наш вывод: необычная манера писать стихами в прозе обнаружила себя и в начале творческого пути писателя. Уже в 40-х годах, когда Тургенев стал бывать за границей, он частенько присылал матери вместо писем стихи, которые она называла беспутные, то есть без рифмы. «Воля твоя, – отвечала она сыну, – не понимаю я их – в наши времена так не писали» [2, 147]. Поэтому появление «Стихотворений в прозе» в творческой биографии русского писателя следует рассматривать не как результат чьего-либо влияния, а как проявление его многогранного таланта – и поэтического, и прозаического. Глубокий лиризм, эмоциональность повествования, краткость формы, пишет Л. Сарбаш, сближают их с лирической поэзией, которая воплощается в прозаической форме. Эмоциональная напряжённость, сосредоточенность на одном чувстве ослабляют эпический элемент прозы, в миниатюрах цикла отсутствуют описательные картины, подробные характеристики персонажей, разветвлённая событийная канва. В некоторых присутствует сюжет, но слабо выраженный. Прозаический же ритм, подчиняя «момент лирической концентрации» своей особой организации и упорядоченности, несколько уменьшает его лирический накал, делает его более равномер-

ным на протяжении всей миниатюры. Эмоционально-лирическое содержание и организующий его прозаический ритм и образуют оригинальный жанровый сплав – стихотворения в прозе, делает заключение исследователь [1, 352].

Заслуживает внимания обращение писателя к читателю, которым предваряется I раздел этого необычного произведения: «Добрый мой читатель, не пробегай этих стихотворений сподряд: тебе, вероятно, скучно станет – и книга вывалится у тебя из рук. Но читай их враздробь: сегодня одно, завтра другое, – и которое-нибудь, может быть, заронит тебе что-нибудь в душу» [3, 5]. Оно появилось неслучайно, т. к. Тургенев беспокоился и о составе цикла, и о его своеобразном жанре.

Тематическое разнообразие «Стихотворений в прозе» велико, поскольку представляет собой всё то, что «волновало, привлекало, отталкивало Тургенева-человека и Тургенева-писателя» [1, 351]. Однако доминирует, без сомнения, тема любви – многогранная и многоликая в «Стихотворениях».

Это, прежде всего, неизменная любовь к русскому народу и русской природе, что проходит красной нитью и в «Записках охотника» (неслучайно I раздел «Стихотворений в прозе» открывается стихотворением «Деревья», рисующим живописные идиллические картины русской вольной деревни), а также к русскому языку, который «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах родины и поддержка, и опора и который дан великому русскому народу» (именно этим стихотворением – «Русский язык» – завершается I раздел книги). Оно, писал Стасюлевич, имеет величину «ровно в пять строк, но это золотые строки, в которых сказано более, чем в ином трактате; с такой любовью мог бы Паганини отозваться о своей скрипке» [4, 516]. Чрезвычайно важны для понимания заключительные строки этого произведения, которые свидетельствуют об искренней вере писателя в великое будущее русского народа.

Нравственное превосходство людей из народа, для которых соль в доме – признак хорошей жизни, показана в двух великолепных миниатюрах: «Щи» и «Два богача». Смысл второй миниатюры актуален и сегодня. Вспомним: «Когда при мне перевозноят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых – я хвалю и умиляюсь».

Но, и хвалю и умиляясь, я не могу не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разорённый домишко.

– Возьмём мы Катьку, – говорила баба, – последние наши гроши на неё пойдут, – не на что будет соли добыть, похлёбку посолить.

– А мы её... и не солёную, – ответил мужик, её муж.

Далеко Ротшильду до этого мужика!» [3, 33]. (Выделено нами. – Л. Б.)

А нравственное богатство русского человека, его способность к всепрощению и самопожертвованию, высокое чувство долга во имя благородной идеи спасения своего народа прекрасно показаны в таких стихотворениях, как «Маша», «Повесить его!», «Памяти Ю. П. Вревской», «Порог», которые перекликаются с такими рассказами из «Записок охотника», как «Смерть» и «Живые мощи».

Сильна родительская любовь к своему потомству, «она сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь», утверждает Тургенев в стихотворении «Воробей».

Глубоко проникновенно стихотворение «Когда меня не будет...» о вечной, нетленной любви к женщине, которая продолжает жить в образах: «Когда меня не будет..., – не ходи на мою могилу... Тебе там делать нечего. Но в часы уединения... возьми одну из наших любимых книг и отыщи в ней те страницы, те строки, те слова, от которых у нас разом выступали сладкие и безмолвные слёзы».

Прочти, закрой глаза и протяни мне руку... Отсутствующему другу протяни руку свою...

И образ мой предстанет тебе, и из-под закрытых век твоих глаз польются слёзы, подобные тем слезам, которые мы проливали некогда с тобою вдвоём, о ты, мой единственный друг, о ты, которую я любил так глубоко и так нежно!».

Примечательно, что предпоследнее стихотворение II раздела называется «У-а... У-а». Оно представляет собой философскую поэму о смысле жизни и истинной, спасительной ценности «горячего крика человеческой, только что народившейся жизни».

Тема любви перемежается с темой смерти как итогом кратковременной и мгновенной человеческой жизни, что особенно ощутимо на склоне физических лет, в часы долгих бессонных ночных раздумий. Она окрашена у Тургенева чувством безысходности и усугубляется мотивами одиночества и чужбины. Смерть в «Стихотворениях» имеет вполне конкретный облик – *одинокая женщина, старуха* – и сопровождается такими образами, как *вечная темнота, насекомое, немощный старик, ястреб, одинокая птица без гнезда, двойник, несчастная куропатка* и такими деталями, как *песочные часы, черепа, старый серый камень на морском побережье, перешибленное крыло насмерть раненной птицы, могильная плита*. В результате появились миниатюры такой пронзительной и проникновенной силы трагического ощущения приближающегося конца, что если бы не жизнеутверждающая любовь, в которую глубоко верит лирический герой и его автор и в которую он убеждает своего читателя, последнему самостоятельно не удалось бы избавиться от этого ощущения. Доказательством того, что жизнь побеждает смерть, которая сопровождает её, придавая ей изначально трагическую окраску, является стихотворение «Как хороши, как свежи были розы». «Образ автора миниатюры, как утверждает Е. Ю. Геймбух, представляет собой своего рода поток сознания, в котором раскрывается таящееся за осознанием приближающегося конца непреходящее очарование навсегда оставшейся в памяти молодости и эстетического наслаждения искусством» [5, 56]. Поэтому строка-рефрен «Как хороши, как свежи были розы...» звучит заключительным жизнеутверждающим аккордом.

И. С. Тургенев всегда восторгался красотой и

«бесконечной гармонией» русской природы. Его волновали вопросы о месте человека в природе. В миниатюре «Природа» философско-нравственная проблема представлена в форме *диалога*. На вопрос человека: «Но разве мы, люди, не любимые твои дети?» Природа, не ведающая ни добра, ни зла, отвечает: «Все твари – мои дети, и я одинаково о них забочусь – и одинаково их истребляю. Я тебе дала жизнь – я её отниму и дам другим, червям или людям... мне все равно...». Природе всё равно – человек, червь. У всех одна жизнь.

Человек и животное – дети природы, и в минуты опасности они оказываются родными. Это утверждается в миниатюрах «Морское плавание» и «Собака». И это неудивительно, «ведь все мы дети одной матери» – делает вывод Тургенев. А страх смерти одинаково живёт и в человеке, и в собаке. Поэтому, говорит лирический герой, «*между нами нет никакой разницы. Мы тоже-ственны; в каждом из нас горит и светится тот же трепетный огонёк*». И меняются взглядами не животное и не человек. Нет! «*Это две пары одинаковых глаз устремлены друг на друга. И в каждой из этих пар, в животном и в человеке – одно и та же жизнь жмётся пугливо к другой*». (Выделено нами. – Л. Б.)

Весьма разнообразен круг философских проблем человеческого бытия, занимающих почти половину сборника «Стихотворений», по существу которых писатель даёт порой совершенно неожиданные решения.

Для нас, читателей XXI столетия, являются чрезвычайно значимыми и поучительными мысли писателя-философа о страданиях как о смысле счастливой жизни в отличие от спокойного, одинокого, неэмоционального, эгоистичного существования («Житейское правило»), об эгоизме как «дёшево доставшейся добродетели, которая едва ли не противней откровенного безобразия цорока» («Эгоист»), о бесстрастном жизненном пути «без слёз и без улыбки», который похож «на движение стройных теней в Елисейских полях, проходящих беспечально и безрадостно» («Н. Н.»). Большинство из них имеют форму притчи, в которых заключена истина, не подверженная времени. Таковы, на наш взгляд, стихотворения «Путь к любви» («*Все чувства могут привести к любви... исключая одного: благодарности. Благодарность – долг; всякий человек платит свои долги... но любовь – не деньги*»), «Фраза», «Простота», «Брамин», «Ты заплакал», «Любовь», «Истина и правда». Созданные на едином дыхании, они не подвергались правке и первоначально не планировались для опубликования.

Имеют, на наш взгляд, глубочайший воспитательный потенциал такие миниатюры, как «Нищий», «Дурак», «Милостыня», «Проклятие». В их основе лежат конкретные бытовые зарисовки с глубоким философским смыслом. Подать руку нищему и крепко её пожать вместо подаяния – это тоже подаяние, которое не только дано, но и получено. И в этом смысле и герой, и нищий оказываются в равном положении. Рассказ о дураке, который оказался среди трусов и поэтому преуспел, актуален и сегодня. Повествование о некогда богатом человеке, который раздал своё богатство, делая людям добро и проявляя свою добродетель, стал нищим и вынужден умирать от голода, потому что просить милостыню ему не позволяла гордость. Однако разговор с незнакомцем убедил его в том, что нужно смирить гордыню и попросить помощи у других, т. е. дать возможность добрым людям показать, что они добры. Старика «осенила тихая радость, и не было стыда у него на сердце: он купил себе хлеба, и сладок показался

ему выпрошенный кусок». Проклятие, которое услышал писатель, будучи свидетелем ожесточённой распри между сыном и отцом в крестьянской семье, оказалось ужаснее манфредовского: «Пускай же и он, – сказал отец, обращая свои слова к сыну, – дождётся сына, который на глазах своей матери плюнет отцу в его седую бороду!». Страшные слова, о смысле которых нужно помнить всем поколениям, а забывшие его будут навеки прокляты.

Прикоснувшись к «Стихотворениям в прозе» И. С. Тургенева, мы пришли к выводу, что они в наше непростое время незаслуженно обойдены вниманием. «Эту ткань из солнца, радуги, алмазов, женских слёз и благородной мужской мысли, которая называется «Стихотворения в прозе», как определил это произведение известный критик XIX века П. В. Анненков, нужно читать, перечитывать, осмысливать. Это богатейшая пища для ума и чувств людей разных времён и поколений.

Итак, «Стихотворения в прозе», завершающие творческий путь Тургенева, – яркое свидетельство богатейшей духовной жизни писателя, полной контра-

стов, противоречий, различных философских тем и неожиданных их решений, глубокого лиризма и трагизма, но неизменной любви к жизни во всех её проявлениях. Л. Гроссман в «Венке Тургеневу» в 1918 году написал: «Перед безнадежной пустотой неба, перед равнодушием природы и ужасом смерти, перед слепыми силами судьбы и ничтожества людской среды жизнь получает смысл лишь от глубокой душевной привязанности, от евангельской правды, от создания новой красоты. Любовь, кротость, творчество – вот что надписывает Тургенев на своём светлом барельефе против пасмурного: *Necessitas, Vis, Libertas*. Вот почему под тяжким бременем хаоса жизнь всё же прекрасна». Цит. по: [5, 49]. Поэтому нельзя согласиться с тем выводом, который мы прочитали в заключении магистерской диссертации Томаша Мацулевича «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева и философские идеи А. Шопенгауэра»: «...Тургенев жизнь человека осмыслил как трепетную ценность, которая трагически обесмысливается смертью. И в этом смысле пессимизм Тургенева оказывается ещё более глубоким, чем пессимизм Шопенгауэра» [6].

Литература

1. Сарбаш, Л. Примечание / Л. Сарбаш // Тургенев, И. С. Литературные и житейские воспоминания. – М.: Правда, 1987. – 384 с.
2. Лебедев, Ю. В. Тургенев / Ю. В. Лебедев. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 608 с. (Жизнь замечательных людей. Сер. биогр.: Вып. 706).
3. Тургенев, И. С. Стихотворения в прозе // Литературные и житейские воспоминания / И. С. Тургенев. – М.: Правда, 1987. – 384 с.
4. Тургенев, И. С. Сочинения в 12 томах / И. С. Тургенев. – М.: Наука, 1982. – Т. 10.
5. Геймбух, Е. Ю. Слово, контекст, текст и проблемы экспрессивности «Стихотворений в прозе» / Е. Ю. Геймбух // Рус. язык в школе. – 1998. – № 5. – С. 49–56.
6. Мацулевич, Т. «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева и философские идеи А. Шопенгауэра: магистерская диссертация. / Т. Мацулевич. – Вильнюс: Вильнюсский педагогический университет, 2011 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: vddb.laba.lt/fedora/get/LT-eLABa-0001/E.../DS.005.2.01.ETD. – Дата посещения – 23.03.2013.